§10 ИДЕОЛОГИЯ И ПОЛИТИКА

Константинов М.С.

ПРОБЛЕМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕКОНТЕСТАЦИИ ПАТРИОТИЗМА: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье на материале комплексного социологического исследования праворадикальных идеологов в сознании студенческой молодёжи Ростовской области, проведённого в 2014–2016 годах коллективом учёных Южного федерального университета и Южного научного центра РАН, анализируется специфика идеологической концептуализации патриотического чувства привязанности и деконтекстации идеи патриотизма. Предметом исследования является патриотизм в современной России. Подробно рассматриваются теоретико-методологические проблемы изучения патриотизма и предлагается когнитивно-конструктивистская модель его анализа. В контексте применения этой модели анализируется потенциал интеграции идеи патриотизма в ключевые политические идеологии современной России. Особое внимание уделяется праворадикальным интерпретациям патриотического чувства привязанности и опасностям, связанным с эксплуатацией патриотизма праворадикальными группировками. Теоретическую базу комплексного социологического исследования составила авторская концепция политических идеологов, разработанная на основе понятий «смутная идеология» М. Бахтина и «плавающие означающие» С. Жижека. В процессе концептуализации теории праворадикальных идеологов использовались также концептно-морфологический подход М. Фридена и понятие «группускулярной правой» Р. Гриффина. Указанные концепции были адаптированы к российской политической и социокультурной специфике. Основанная на этой теоретико-методологической*

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Праворадикальные идеологи в сознании студенческой молодёжи Ростовской области», проект № 14-03-00302а.

базе эмпирическая часть проекта включала групповые интервью, анкетный опрос и фокус-группы. Кроме перечисленных методов, в статье используется когнитивно-конструктивистский подход для анализа специфики идеологической концептуализации и деконтекстуализации патриотизма. В статье теоретико-методологический уровень обсуждения проблемы патриотизма соединяется с анализом полученных в результате социологического исследования эмпирических данных. Автор показывает, что попытки определения «истинности» патриотизма приводят к множественности его описаний и дискредитируют как изучаемый феномен, так и средства его исследования. Одной из теоретико-методологических новаций статьи является применение автором когнитивно-конструктивистского подхода в исследовании патриотизма. На прикладном уровне представлены систематизированные данные анкетного опроса, касающиеся особенностей концептуализации патриотического чувства в сознании студенческой молодёжи Ростовской области. Показано влияние периферийных концептов на формирование этого чувства в контексте различных идеологий, включая праворадикальные трактовки. На основе проведённого анализа выявлен потенциал праворадикальных интерпретаций идеи патриотизма в молодёжной среде.

Ключевые слова: политические идеологии, идеологема, морфология идеологий, когнитивно-конструктивистский подход, патриотизм, правый радикализм, молодёжь, студенчество, общественное сознание, анкетированный опрос

Abstract. Based on the material of the comprehensive sociological research of far right ideologemes within the consciousness of student youth of Rostov Oblast conducted in the 2014-2016 by the group of scholars from the Southern Federal University and Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, this article analyzed the specificity of ideological conceptualization of the patriotic sense and idea. The subject of this research is the patriotism in modern Russia. The author thoroughly examines the theoretical and methodological issues of the study of patriotism, as well as proposes the cognitive-constructivist model of its analysis. In the concept of implementation of such model, the work analyzes the potential of integration of the idea of patriotism into the key political ideologies of modern Russia. Special attention is given to the far right interpretations of the patriotic sense and dangers associated with the exploitation of patriotism by the far right groups. The author's concept of political ideologemes formulated based on the notions of Mikhail Bakhtin's "doubtful" and Slavoj Žižek's "floating signifiers", comprised the theoretical base of the complex sociological study. In the process of conceptualization of the far right ideologemes, the author also used Michael Freeden's conceptual-morphological approach and Roger Griffin's notion of "groupuscular right". The aforementioned concepts were adjusted to the Russian political and sociocultural specificity. The author demonstrates that the attempts of determination of the "validity" of patriotism lead to multiplicity of its descriptions and discredit the examined phenomenon, as well as the means of its research. On the applied level, the work presents the systematized data of the survey pertaining to the peculiarities of conceptualization of the patriotic sense within the consciousness of student youth of Rostov Oblast. The author illustrates the impact of peripheral concept upon the formation of this feeling in the context of various ideologies, including the far radical interpretations. Based on the conducted analysis, the potential of the far radical interpretations of the idea of patriotism among youth is being determined.

Keywords: youth, patriotism, far right radicalism, cognitive-constructivist approach, morphology of ideologies, ideologeme, political ideology, students, social consciousness, questionnaire.

Недавнее заявление Президента РФ о том, что единственной национальной идеей в России может быть идея патриотизма, сделанное на встрече с Клубом

лидеров 3 февраля 2016 г., реанимировало до сего времени вялотекущую, но весьма давнюю общественную и научную дискуссию о содержании данной идеи. Однако в то время, как для

В.В. Путина в идее патриотизма важен момент её «неидеологизированности», упомянутая дискуссия практически всегда сводилась именно к идеологической её трактовке. Об этом, в частности, говорит бесконечное и никогда не прекращавшееся обсуждение «истинного патриотизма» (как правило, противопоставляемого патриотизму «ложному» [17; 19]), для изучения которого академик Д.С. Лихачёв даже предлагал созывать международные конференции [9, с. 600]. И больше всего в этой дискуссии смущают не только явная волюнтаристичность трактовки «истинного патриотизма» (несмотря на наукообразность этого дискурса, на практике он чаще всего сводится к некритичному цитированию классиков отечественной политической мысли – от В.В. Соловьёва до И.А. Ильина) и претензии на её объективность, но парадокс, возникающий из самой постановки проблемы – из рассмотрения патриотизма на предмет истинности/ложности в идеологическом контексте.

Суть этого парадокса состоит в том, что теоретики идеологии (кроме, пожалуй, ортодоксальных марксистов) давно уже не считают возможным оценивать идеологические концепты в терминах истинности/ложности, поскольку идеологический дискурс определяется стремлением не *отразить* факты реальности в истинном высказывании, но *выразить* их описание в модальности должностования [5]. В этом контексте придать идеологическому дискурсу объективность и нейтральность, исключив из него аксиологически окрашенное отношение носителя идеологии к фактам реальности, означает уничтожить самую суть идеологии, выхолостить её содержание. С другой стороны, попытка определить «истинное» содержание патриотизма в идеологическом контексте обычно подразумевает не более, чем стремление выразить претензии на универсальность ценностно-символического строя идеологии некоторого «мы» (группы, класса, сообщества и т. д.), что в случае поддержки этой идеологии ресурсами государственной власти автоматически приводит к навязыванию узкогрупповых ценностей всему обществу. В лучшем случае это означает идеологические притязания на гегемонию (в терминах А. Грамши); в худшем – тоталитарные интенции

современного государства. Из этого, собственно, и следует упомянутый парадокс: попытки определения «истинности» патриотизма как идеологического феномена в модальности должностования всякий раз приводят к множественности «истинных» описаний патриотизма, что дискредитирует как изучаемый феномен, так и средства его исследования.

Для решения поставленной задачи гораздо более перспективным представляется когнитивно-конструктивистский подход, позволяющий избежать упомянутого парадокса и проблематизировать патриотизм в контексте его идеологической концептуализации [14]. В этом методологическом контексте следует отличать естественно возникающее *чувство* привязанности к конкретным объектам окружения из мира повседневности индивида (семья, друзья, факты личной биографии и т. д.) от последующей концептуализации этого чувства в *идее* сопричастности абстрактному «мы» (народ, страна, Родина, Отечество и т. д.) средствами экстраполяции, или «транспонирования» (в терминах фрейм-анализа [6, с. 240–242]). Чувство привязанности возникает не только к людям, но и к материальным объектам: детским игрушкам, предметам обихода, архитектурным композициям, памятникам и т. д.). Так, не вызывает сомнений связь между детскими воспоминаниями о «древней, как мир каменной дорожке», лежавшей перед домом, в котором Фернан Бродель провёл детство, и его признанием: «...Я люблю Францию... страстной, требовательной и непростой любовью...» [2, с. 5]. Именно это транспонирование позволяет концептуально спроецировать интенсивность чувства привязанности к личному окружению на более абстрактные сущности, недоступные непосредственному восприятию (хотя и с некоторым снижением этой интенсивности). Наличие подобного транспонирования подтверждается многочисленными примерами из патриотической символики, в которых связываются объекты личного окружения с абстрактными сущностями (символы Родины-Матери, Отца-Отечества, Брата-братских народов и т. д.).

Особенно следует подчеркнуть, что указанное чувство привязанности возникает совершенно естественно, оно не опосредовано

воспитанием. Более того, воспитание, обычно направленное на концептуальное оформление этого чувства, существенно его корректирует. Воспитательный процесс начинается на этапе концептуализации в более абстрактных терминах любви к «Родине», «Отечеству», «стране», «народу» и т. д. благодаря транзитивности чувства привязанности. Одним из результатов воспитательного процесса является проекция этого чувства к родителям и близким родственникам, к родному дому – на «малую родину», и далее – на «Отечество» в целом. В случае, если воспитательный процесс проходит успешно, интенсивность чувства привязанности по мере перехода от объектов контактного окружения к более абстрактным сущностям снижается незначительно или не уменьшается вовсе. Процесс конструирования подобных сущностей на примере нации превосходно показан Бенедиктом Андерсоном [1], а моральные аспекты транзитивности чувства личной привязанности в публичную сферу – Нейл Ноддингс [26, р. 79–103]. Однако, как говорилось выше, главная проблема заключается не в наличии/отсутствии естественного чувства привязанности, а в его разных идеологических концептуализациях. Именно этим обусловлена множественность интерпретаций термина «патриотизм» в различных идеологических контекстах, которая порождает бесконечные дискуссии по уточнению понятия «истинный/ложный патриотизм».

Осмыслить эту проблему и наметить её решение позволяет концептно-морфологический подход, предложенный Майклом Фриденом [22]. Согласно британскому исследователю, смысловая специфика политических концептов зависит от того идеологического контекста, в котором они концептуализируются. В каждой идеологии выделяются несколько ядерных концептов («свобода», «равенство», «братство», «справедливость», «нация» и т. д.), значение которых переопределяется в контексте окружающих их смежных концептов («индивидуализм», «рынок», «конкуренция», «возрождение», «русские» и т. д.). Поэтому одним из ключевых терминов морфологии идеологии является предложенный М. Фриденом неологизм «деконтекстация концепта» (concept

decontestation), суть которого состоит в лишении многозначности политического концепта посредством помещения его в матрицу других концептов: «Идеология уточняет значение политических концептов, собирая их в матрицу, в которой они объединяются с другими концептами. Благодаря этому происходит уточнение конфигурации концептов. Уточнение значения... достигается за счёт сложного взаимодействия концептов. Идеология стремится положить конец неизбежному разночтению концептов, деконтекстуируя их, исключая спорные интерпретации» [21, р. 54].

Применение подхода М. Фридена к проблеме патриотизма позволяет сделать несколько теоретико-методологических и вытекающих из них практических замечаний. Во-первых, суть идеи патриотизма может существенно варьироваться, в зависимости от того идеологического контекста, в котором происходила концептуализация естественного чувства привязанности и последующая деконтекстуация сформированной на этой основе идеи. Соответственно, «либеральный патриотизм» будет весьма отличаться (вплоть до взаимоисключения) от «социалистического»; «феминистский» или «анархистский» – от «консервативного» и т. д. Несколько утрируя, можно предположить, что понятие патриотизма, концептуализированное в контексте либеральной матрицы, будет иметь важные коннотации индивидуальной свободы и личного жизненного успеха («Я – патриот своей страны, потому что именно она делает меня свободным и предоставляет возможности для реализации собственных потенций; процветание моей страны будет иметь следствием моё собственное благополучие»); в контексте социалистической матрицы – позитивной свободы и социального равенства («В моей стране преодолены издержки капиталистического неравенства, люди имеют возможности для реализации жизненных целей, поэтому я люблю свою страну и готов её защищать»); в контексте консервативной матрицы – целостности общества и самоценности его истории («Мой народ и моя страна имеют гораздо большее значение, чем мои собственные достижения; следуя заветам отцов и дедов, я готов защищать свою Родину») и т. д.

И все эти перечисленные аспекты и коннотации нельзя просто суммировать в некоем обобщённом понятии «истинного патриотизма», поскольку в различных идеологических контекстах речь идёт не о разных сторонах одного и того же понятия, но о взаимоисключающих концептуализациях патриотического чувства. Сказанное не означает полный отказ от государственной политики в сфере патриотического воспитания, но предполагает либо реализацию либеральной идеи нейтрального государства, ограничивающегося наиболее общими рекомендациями в этой сфере и сохраняющего идеологический нейтралитет, либо (и этот вариант представляется более реалистичным в современной России) наличие у государства осмысленной идеологической позиции по вопросу патриотического воспитания, но с сохранением нейтральности в отношении альтернативных концептуализаций патриотического чувства в контексте прочих идеологических матриц. Ни первая, ни вторая государственная стратегия не допускают навязывания всему обществу некоей вымученной в научных и околонучных дискуссиях идеи «истинного патриотизма», но напротив, требуют от интеллектуальной и политической элит серьёзной работы по деконтекстации понятия «патриотизм» в различных идеологиях современной России. Пресловутая ригидность идеологических систем, якобы не позволяющая включать в идеологическую структуру те или иные проблемы и/или понятия, опровергается как в теории морфологии идеологий, так и в современной политической практике.

Так, либерализм является очень гибкой идеологией, не раз демонстрировавшей свою способность творчески реагировать на внутренние кризисы и внешние вызовы [20]. Сегодня в России эта идеология находится в стагнации, обусловленной неспособностью отечественных либералов адаптировать либерализм к запросам российского общества, и прежде всего, к резко актуализировавшемуся в последние пару лет патриотическому сознанию. Недавний оглушительный провал либералов на выборах в Государственную Думу только подтвердил этот печальный вывод. Вместо бесконечных внутренних дряг и мелкого фрондёрства российским

либералам следовало бы заняться адаптацией либерализма к российским реалиям, в том числе включив в либеральный контекст концепт патриотизма. Именно потому, что либеральные идеи индивидуализма и моральной нейтральности плохо сочетаются с чувством привязанности к сообществу и моральных обязательств перед ним (на что указывали, в частности, коммунитаристы [7]), необходима серьёзная работа, чтобы концептуализировать патриотическое чувство в контексте либеральной идеологии. В данной статье можно лишь предположить, что деконтекстуация базового либерального концепта индивидуальной свободы вполне может сочетаться с концептом свободного и процветающего сообщества («Родины», «Отечества» и т. д.). Возможно, это и было бы не только либеральным признанием проблемы неуниверсальности идеи справедливости, на что также указывали коммунитаристы [7], но и частичным её решением.

На протяжении XX в. марксизм и социализм также демонстрировали изрядную гибкость в рецепции различных идей и концептуализации возникающих практик. Пожалуй, сложнее всего патриотизм деконтекстуируется в марксизме. Концепция интернациональных интересов рабочего класса конфликтует с патриотическим чувством привязанности к своему Отечеству [10]. Однако на практике марксизм и различные версии социализма вполне совместимы с патриотизмом, о чём свидетельствуют, в частности, опыт патриотического воспитания в СССР, идеологическая «всеядность» (весьма эклектичная и плохо проработанная!) российских КПРФ и «Справедливой России», а также программатика социал-демократии современной Европы.

На первый взгляд, одной из самых благоприятных идеологических матриц для концептуализации патриотического чувства является консерватизм. Во-первых, он настолько гибок, ситуативен и антиуниверсален, что многие его представители отказываются считать консерватизм идеологией [28, р. 57; 24]. Иногда даже говорят о парадоксе консервативной рефлексии, «противоречиво определяющей консерватизм как политическую теорию, полагающую ложными любые политические теории» [27, р. 12; 25, р. VIII]. Во-вторых, одним из базовых концептов

консерватизма является идея органического целого, сочетаемая с такими концептами, как язык, история, сообщество, культура и т. д. [27, р. 16–23]. Выразителем консервативной идеологии сегодня позиционирует себя партия «Единая Россия», и действительно, идеологи этой партии провели большую работу по адаптации консервативной идеологии к российской политической практике, включая концептуализацию патриотизма. Однако когда речь идёт о патриотическом воспитании, нужно иметь в виду, что ожидать от молодёжи глубоких симпатий к консерватизму с его пафосом «остановись, мгновенье!» [13, с. 65] достаточно наивно.

В этом контексте нельзя забывать другую сторону, *alter ego* консервативной идеологии: праворадикальные идеологии возникают именно вследствие радикализации консерватизма. Так по меткому выражению А.А. Галкина, фашизм есть «правоконсервативный революционаризм», или словами Р. Гриффина, «палингенетическая форма популистского ультрационализма» [4, с. 12; 23, р. 26, 44]. Уже этот момент наводит на мысль о необходимости крайне осторожного обращения со столь мощным ресурсом, как патриотическое чувство, и важности корректной деконтекстации патриотизма в «респектабельных» идеологиях.

В одной статье невозможно рассмотреть все идеологические возможности концептуализации патриотического чувства, поэтому придётся ограничиться ещё несколькими замечаниями. Прежде всего, не нужно недооценивать ангажированных властью политтехнологов: судя по целому ряду признаков, в Кремле очень хорошо понимают обсуждаемую здесь проблему и предпринимают различные меры по её решению. В частности, такие проекты, как «Селигер», «Территория смыслов», «Инноватики», «Таврида» и целый ряд других молодёжных форумов, очевидно имеют целью предложить молодёжи найти себя в контексте идеологических стратегий.

Однако, во-первых, кремлёвские политтехнологи не в состоянии охватить своими проектами всю молодёжь российского общества. Рост праворадикальных настроений в молодёжной среде говорит об этом лучше всего прочего. Во-вторых, условный «Кремль» в силу самого его по-

ложения не может стать выразителем всего многообразия идеологического спектра. Упорные попытки это сделать имеют результатом плохо структурированные идеологические гибриды. В частности, отечественные специалисты отмечают идейную и символическую аморфность кремлёвской идеологической платформы: «Дискурс прокремлёвской части политической элиты был сосредоточен вокруг нескольких узловых концептов: „сильное государство“ (2000 г.), „суверенная демократия“ (2005 г.), „модернизация“ (2009 г.) и т. п., которые по-разному использовались разными акторами» [11, с. 117]. Воспроизводство размытости идеологической позиции Кремля имело целью одновременно ограничение смыслового плюрализма, способного предложить альтернативы и на этой основе структурировать общественные дискуссии, «заморозку» символических конфликтов и консолидацию «путинского большинства». В результате «общая линия на воспроизводство гегемонистского дискурса, эклектически сочетающего идеи, способные импонировать публике, оставалась неизменной» [11, с. 117].

Мало изменило ситуацию и обращение Кремля к патриотизму как базовой составной части идеологической позиции. С одной стороны, патриотическая риторика действительно может служить весьма мощным инструментом мобилизации с целью решения стоящих перед нашей страной проблем. С другой стороны, обсуждавшееся выше многообразие трактовок понятия патриотизм оставляет кремлёвской администрации всего две возможных стратегии: либо признание идеологического плюрализма и, соответственно, предлагаемых идеологиями альтернатив социально-политического развития в качестве равноправных, что в свою очередь, потребует от Кремля серьёзной проработки собственной идеологической платформы, поскольку конкурировать с развитыми идеологиями может только детально проработанная система смыслов; либо символическое насилие с целью навязать «правильное» и «единственно возможное» понимание патриотизма, что рано или поздно потребует «секьюритизации» патриотической «национальной идеи», то есть однозначной её увязки с фундаментальной цен-

ностью безопасности и условием выживания политического сообщества [11, с. 121]. Последняя стратегия не только весьма опасна, но и заранее обречена на неудачу. По верному замечанию О.Ю. Малиновой, «аморфная идеология, открытая для произвольных интерпретаций, может стать опасным инструментом сведения политических счётов» [11, с. 121]. В этом контексте символическая девальвация и обесценивание ценностей [11, с. 122] и, как результат – политическая апатия, цинизм и нигилизм, – представляются даже не самыми опасными из возможных последствий злоупотребления смысловой размытостью патриотизма и попыток её контролировать. Гораздо более опасной может стать реконцептуализация «обманутого» патриотического чувства в контексте праворадикальных идеологий, которые давно и весьма успешно спекулируют различными смыслами патриотической идеи.

Этот вывод подтверждается эмпирическими исследованиями. В частности анкетированный опрос, проведённый ростовскими учёными из Южного федерального университета и Южного научного центра РАН весной 2015 г. среди студентов Ростовской области (всего 718 респондентов [подробнее об исследовании: 15; 8; 3; 16; 18; 12]) показал, что «имперско-националистическое» видение России («с ведущей ролью русской нации, включающей великороссов, малороссов и белорусов») имеют 9,7 % (70 чел.) от общего числа опрошенных; «имперско-цивилизационное» представление о России («с ведущей ролью православия и русской культуры») – 33,3 % (239 чел.), «евразийское» – 16,6 % (119 чел.). Четверть респондентов (25,1 %, 180 чел.) считают, что после распада СССР Россия утратила роль мировой державы, но в настоящее время её себе возвращает. «Европейский» путь развития России (интеграцию в европейскую цивилизацию) поддерживают всего 5,8 % (42 чел.), к которым можно добавить 0,6 % (4 чел.) тех, кто считает необходимым вступление России в ЕС и НАТО. Как можно заметить, подавляющее большинство студентов разделяет различные версии имперского и державного видения современной России. С этим связано и восприятие популярной не так давно

концепции «русского мира»: более половины «имперцев-националистов» (54,3 %) видят в этом проекте объединение славян и возрождение Российской империи; у «культурно-цивилизационных имперцев» вполне ожидаемо относительно низкий процент националистической трактовки, но 37,2 % видят в «русском мире» возрождение Российской империи; структурно похожие представления и у «державников»; пятая часть (21,4 %) «европейцев» также видят возрождение Российской империи, но, судя по приведённым ниже данным, оценивают этот процесс негативно.

Далее. В патриотической идее репрезентируется эмоционально опосредованное представление о связи между прошлым, настоящим и будущим. Поэтому гораздо интереснее посмотреть на корреляции между представлениями студентов о политической «судьбе» современной России с эмоциональными их оценками некоторых знаковых событий прошлого.

И здесь сразу бросается в глаза, что у почти четверти «имперцев-националистов» (24,3 %) вызывает чувство гордости Великая Октябрьская социалистическая революция; столько же (25,7 %) гордятся позицией России во время натовских бомбардировок Югославии и политикой российского руководства в отношении «Новороссии» в 2014 г. (35,7 %); при этом 20 % испытывают чувство стыда за Чеченскую войну 90-х – начала 2000-х и за Беловежские соглашения 12 декабря 1991 г. (40 %). Как можно заметить, позиция этих респондентов в отношении знаковых исторических событий, представленных в коллективной памяти россиян, выглядит весьма противоречивой. Не являются исключением и отношения к указанным событиям других групп респондентов: 22,2 % «культурно-цивилизационных имперцев» и 22,7 % «евразийцев» гордятся Великой Октябрьской социалистической революцией, они же гордятся позицией России в отношении натовских бомбардировок Югославии (26,8 % и 26,9 %, соответственно) и «Новороссии» (37,2 % и 37,0 %) и стыдятся войны в Чечне (30,1 % и 39,5 %) и Беловежских соглашений (36,0 % и 33,6 %).

Другой момент, который нельзя не отметить, это наличие чёткой структуры политических

представлений респондентов – в ответах разных группировок прослеживаются определённые закономерности, а хаотичными они кажутся только внешнему наблюдателю; с точки зрения же самого молодёжного сознания нет никаких противоречий между гордостью за Октябрьскую революцию и стыдом за Беловежские соглашения, между гордостью за весьма слабую позицию России в отношении наговских бомбардировок и стыдом за чеченские кампании 90-х – начала 2000-х и т. д., и в этих структурах нужно разбираться, а не пытаться подогнать их под один шаблон. Особенно чётко эти структуры представлений выявляются при анализе политических оппозиций. Один из самых ярких примеров – отношение к присоединению Крыма к России в 2014 г., поскольку подавляющее большинство студентов демонстрировало редкое единодушие в эмоционально положительной оценке данного события. Тем не менее, у 54,8 % студентов, ориентированных на интеграцию России в Европу, это событие вызывает чувство стыда, в то время как у подавляющего большинства «имперцев» и «державников» (от 77,1 % до 84,5 %) – чувство гордости; Беловежских же соглашений стыдятся всего 9,5 % европейски ориентированных студентов. Похожим образом складывается ситуация и в отношении участия СССР в разделе Польши в 1939 г.: большинство европейски ориентированных студентов (38,1 %) считают, что россияне должны стыдиться этого события, «чтобы не повторять ошибок прошлого»; в то время как большинство «имперцев» и «державников» признают, что «гордиться этим событием нельзя», но предпочитают «геополитически оправдывать» его (по 30,0 % – «имперцы-националисты» и «цивилизационные имперцы»; 45,4 % – «державники»).

Если посмотреть на те «угрозы» (реальные или, что чаще, мнимые), то сильнее всего «обеспокоенными» выглядят «культурно-цивилизационные имперцы»: к этой группе относятся 40,9 % тех, кто «боится» украинских националистов-бендеровцев, 52,3 % – тех, кто видит угрозу в русских националистах, 36,0 % – тех, кто боится «пятую колонну» (отечественных либералов) и т. д. Другая «обеспокоенная группа» – это «державники»: здесь сильны страхи перед ислам-

ским радикализмом (28,7 %), «пятой колонной» (30,3 %) и «бендеровцами» (26,2 %); с «имперцами-националистами» «державников» объединяет обеспокоенность отсутствием национальной идеи в России (22,6 % и 26,2 %), а с «культурно-цивилизационными» – страх перед «жидомасонским заговором» (26,7 % и 24,4 %).

Корреляции между идеологической самоидентификацией и представлениями о России показывают, что среди считающих себя консерваторами и национальными патриотами наиболее популярны идеи о ведущей роли православия и русской культуры в рамках империи (36,4 %); что любопытно, четверть (25,5 %) «либералов» также разделяет эти взгляды, а ещё 22,5 % из них говорят о возвращении Россией роли мировой державы; близки по своей структуре взгляды большевиков и социалистов: почти половина (42,9 % и 41,4 %) – за православную империю, и от одной пятой до четверти – за возвращение державного статуса. Вполне однозначны предпочтения респондентов, идентифицирующих себя в качестве «фашистов»: по 42,9 % из них выступают за империю с главенством русской нации и за возвращение России статуса мировой державы. А «национал-социалисты» неожиданно отдают предпочтение православию и евразийству (по 25,9 %), ставя имперский национализм лишь на третье место (18,5 %).

Анализ уровня воображаемой идентификации респондентов со знаковыми политическими фигурами обнаруживает, что большая часть «имперцев-националистов», «культурно-цивилизационных имперцев» и «евразийцев» испытывают симпатии одновременно к В.И. Ленину (44,3 %, 47,3 % и 42,0 %, соответственно) и к А.Д. Сахарову (41,4 %, 61,9 % и 44,5 %), при этом признаваясь в антипатиях к Б.Е. Немцову (27,1 %, 27,2 % и 36,1 %), М.Б. Ходорковскому (32,9 %, 25,9 % и 31,9 %) и А. Гитлеру (65,7 %, 84,1 % и 89,1 %). Ориентированные же на интеграцию с Европой респонденты противоречиво относятся к В.И. Ленину (симпатизируют 38,1 %, имеют неприязнь – 35,7 %), но с немалой симпатией относятся к А.Д. Сахарову (61,9 %), Б.Е. Немцову (45,2 %) и М.Б. Ходорковскому (31,0 %), разделяя с «имперцами» и «державниками» неприязненные чувства к А. Гитлеру (64,3 %).

Таким образом, результаты социологического исследования показывают, что даже в столь однородной в социальном плане среде, как ростовское студенчество, распространены весьма различные представления о прошлом, настоящем и будущем России, т. е. по-разному концептуализируется чувство привязанности к ней. Можно выделить как минимум несколько ключевых периферийных концептов, которые переопределяют значение ядерного концепта (Родина, Отечество и т. д.) и смежных с ним (страна, народ, Россия): империя, нация, держава, православие, русская культура, русский мир и т. д. И значимость влияния этих периферийных концептов нельзя недооценивать: в зависимости от их динамического сочетания, мы можем получить самые различные концептуализации патри-

отического чувства – от либерал-патриотизма до консервативных и националистически окрашенных его интерпретаций. Из этого следует, с одной стороны, возможность (и необходимость!) идеологического плюрализма в отношении концептуального оформления чувства привязанности в концептах патриотизма. Потому что, с другой стороны, навязчивая пропаганда консервативных ценностей, доминирующая в современной российской политике, в сочетании со специфически концептуализированным патриотическим чувством вполне могут порождать в молодёжном сознании (учитывая склонность молодёжи к радикализму) радикализированные версии консерватизма, что нередко используется в собственных интересах праворадикальными группировками.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Бродель Ф. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1994. 405 с.
3. Внукова Л.Б. Праворадикальные идеологемы в сознании студенческой молодёжи: опыт социологического измерения // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции, 2–6 октября 2015 г. / Отв. ред. А.А. Зайцев. Краснодар: Традиция, 2015. С. 52–58.
4. Галкин А.А. О фашизме – его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Полис. Политические исследования. 1995. № 2. С. 6–15.
5. Капустин Б.Г. Что такое «политическая философия»? (II) // Полис. Политические исследования. 1997. № 1. С. 145–156.
6. Константинов М.С. Этика заботы в феминистской политической философии // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 3. С. 228–243.
7. Константинов М.С. Бремя добродетели: моральные концепты коммунитаризма // Политика и общество. 2013. № 12. С. 1416–1422.
8. Константинов М.С. Имперский палингенез: праворадикальные идеологемы в студенческой среде (статья первая) // Политика и общество. 2015. № 12(132). С. 1670–1681.
9. Лихачёв Д.С. Накануне (навстречу XIX партконференции) // Заметки и наблюдения: из записных книжек разных лет. Ленинград: Советский писатель, 1989. С. 598–606.
10. Люксембург Р. Кризис социал-демократии. С приложением статьи Н. Ленина. М.: Красная Новь, 1923. 130 с.
11. Малинова О.Ю. «Духовные скрепы» как государственная идеология // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 5. Сентябрь–октябрь. С. 113–122.
12. Николаев И.В. Эмоциональная оценка экстремистской активности студентами-политологами (по материалам фокус-группы) // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2015. № 4. С. 253–259.
13. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М.: Идея-Пресс, 2002. 288 с.
14. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Моральные фреймы политических идеологий: базовые понятия и методология исследования // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2012. № 3. С. 206–211.
15. Поцелуев С.П., Константинов М.С. Современный правый радикализм: проблема идентификации признаков // Политическая концептология: журнал метадисциплинарных исследований. 2014. № 3. С. 70–90.

16. Поцелуев С.П., Константинов М.С., Макарова Е.К. По ту сторону «спирали молчания»: инструменты исследования праворадикальных идеологов // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2015. № 4. С. 221–246.
17. Струве П.Б. В чём же истинный национализм? // Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 13–45.
18. Тупаев А.В. Аналитический отчёт по материалам фокус-групп среди студентов естественнонаучных специальностей // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2015. № 4. С. 247–252.
19. Ципко А.С. Правда и вымыслы о русском патриотизме. Гл. 1 // Ценности и борьба сознательного патриотизма. М.: ЛКИ, 2009. С. 23–68.
20. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1986. 291 p.
21. Freedon M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.
22. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
23. Griffin R. The Nature of Fascism. London & New York: Routledge, 1993. 251 p.
24. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. No. 2. P. 454–473.
25. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington: Regnery Publishing, Inc., 2001. 501 p.
26. Noddings N. Caring: A Feminine approach To Ethics and Moral Education. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984. 216 p.
27. Quinton A. Meredith Politics of Imperfection. London, Boston: Faber and Faber, 1978. 105 p.
28. Vincent A. Modern Political Ideologies. Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 382 p.
29. Паненков А.А. Проблемы борьбы с распространением идеологии международного терроризма, способствующей расширению социальной базы организованных преступных формирований на территории Российской Федерации // Национальная безопасность / nota bene. 2011. № 3. С. 82–93.
30. Гаршин Н.А. Патриотизм и космополитизм в условиях современного общества: системный анализ // Философия и культура. 2016. № 4. С. 530–535. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.4.14883.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anderson B. Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma. M.: KANON-Press-Ts, Kuchkovo pole, 2001. 288 s.
2. Brodel' F. Chto takoe Frantsiya? Kn. 1. Prostranstvo i istoriya. M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1994. 405 s.
3. Vnukova L.B. Pravoradikal'nye ideologemy v soznanii studencheskoi molodezhi: opyt sotsiologicheskogo izmereniya // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodeistviya. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prosvetitel'skoi konferentsii, 2–6 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. A.A. Zaitsev. Krasnodar: Traditsiya, 2015. S. 52–58.
4. Galkin A.A. O fashizme – ego sushchnosti, kornyakh, priznakakh i formakh proyavleniya // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1995. № 2. S. 6–15.
5. Kapustin B.G. Chto takoe «politicheskaya filosofiya»? (II) // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997. № 1. S. 145–156.
6. Konstantinov M.S. Etika zaboty v feministской politicheskoi filosofii // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2012. № 3. S. 228–243.
7. Konstantinov M.S. Bremya dobrodeteli: moral'nye kontsepty kommunitarizma // Politika i obshchestvo. 2013. № 12. S. 1416–1422.
8. Konstantinov M.S. Imperskii palingenez: pravoradikal'nye ideologemy v studencheskoi srede (stat'ya pervaya) // Politika i obshchestvo. 2015. № 12(132). S. 1670–1681.
9. Likhachev D.S. Nakanune (navstrechu XIX partkonferentsii) // Zаметki i nablyudeniya: iz zapisnykh knizhek raznykh let. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1989. S. 598–606.
10. Lyuksemburg R. Krizis sotsial-demokratii. S prilozheniem stat'i N. Lenina. M.: Krasnaya Nov', 1923. 130 s.
11. Malinova O.Yu. «Dukhovnye skrepy» kak gosudarstvennaya ideologiya // Rossiya v global'noi politike. 2014. T. 12. № 5. Sentyabr'–oktyabr'. S. 113–122.
12. Nikolaev I.V. Emotsional'naya otsenka ekstremistskoi aktivnosti studentami-politologami (po materialam fokus-gruppy) // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2015. № 4. S. 253–259.
13. Oukshot M. Ratsionalizm v politike i drugie stat'i. M.: Ideya-Press, 2002. 288 s.

14. Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Moral'nye freimy politicheskikh ideologii: bazovye ponyatiya i metodologiya issledovaniya // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2012. № 3. S. 206–211.
15. Potseluev S.P., Konstantinov M.S. Sovremenniy pravyy radikalizm: problema identifikatsii priznakov // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2014. № 3. S. 70–90.
16. Potseluev S.P., Konstantinov M.S., Makarova E.K. Po tu storonu «spirali molchaniya»: instrumenty issledovaniya pravoradikal'nykh ideologem // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2015. № 4. S. 221–246.
17. Struve P.B. V chem zhe istinnyi natsionalizm? // Izbrannye sochineniya. M.: ROSSPEN, 1999. S. 13–45.
18. Tupaev A.V. Analiticheskii otchet po materialam fokus-grupp sredi studentov estestvennonauchnykh spetsial'nostei // Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy. 2015. № 4. S. 247–252.
19. Tsipko A.S. Pravda i vymysly o russkom patriotizme. Gl. 1 // Tsennosti i bor'ba soznatel'nogo patriotizma. M.: LKI, 2009. S. 23–68.
20. Freedon M. The New Liberalism: An Ideology of Social Reform. Oxford: Clarendon Press, 1986. 291 p.
21. Freedon M. Ideology: A Very Short Introduction. New York: Oxford University Press, 2003. 160 p.
22. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Oxford University Press, 2006. 592 p.
23. Griffin R. The Nature of Fascism. London & New York: Routledge, 1993. 251 p.
24. Huntington S.P. Conservatism as an Ideology // The American Political Science Review. 1957. Vol. 51. No. 2. P. 454–473.
25. Kirk R. The Conservative Mind: From Burke to Eliot. Washington: Regnery Publishing, Inc., 2001. 501 p.
26. Noddings N. Caring: A Feminine approach To Ethics and Moral Education. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1984. 216 p.
27. Quinton A. Meredith Politics of Imperfection. London, Boston: Faber and Faber, 1978. 105 p.
28. Vincent A. Modern Political Ideologies. Malden: Wiley-Blackwell, 2010. 382 p.
29. Panenkov A.A. Problemy bor'by s rasprostraneniem ideologii mezhdunarodnogo terrorizma, sposobstvuyushchei rasshireniyu sotsial'noi bazy organizovannykh prestupnykh formirovaniy na territorii Rossiiskoi Federatsii // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2011. № 3. С. 82-93.
30. Garshin N.A. Patriotizm i kosmopolitizm v usloviyakh sovremennogo obshchestva: sistemnyi analiz // Filosofiya i kul'tura. 2016. № 4. С. 530-535. DOI: 10.7256/1999-2793.2016.4.14883.